

Д. Домрачев

ПРЕДЫСТОРИЯ НЮНОШКА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ НОРВЕЖСКОГО ЯЗЫКА ДО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Нюношк — один из официальных письменных языков Норвегии — возник благодаря исследовательской работе норвежского лингвиста и поэта И. Осена (1813–1896), изучавшего норвежские диалекты. Решением Стортинга от 12 мая 1885 г. нюношк приобрел официальный статус письменного норвежского языка наравне с букмолем¹. Традиционная география распространения нюношка — запад Норвегии — в целом мало изменилась со времени Осена. Прежде всего это районы Согн-ог-Фьоране, Мёре-ог-Румсдал, Хордаланн и Ругаланн и частично Осло, где расположены важные для нюношка социальные институты (например, издательство «Det Norske Samlaget» или театр «Det Norske Teatret»).

Тем не менее, изучая историю возникновения нюношка, нельзя отталиваться только от XIX в. и деятельности И. Осена (и его последователей), хотя это время и эта персона являются ключевыми. Но те языковые изменения, которые происходили в норвежском языке гораздо раньше, во многом явились тем «историко-лингвистическим фундаментом», на котором и мог возникнуть нюношк впоследствии. В табл. 1 (см. приложение) показаны соответствия между исторической периодизацией языка и культуры, принятой в Норвегии. Как видно из этой таблицы, две периодизации в целом совпадают, хотя не стоит забывать о том, что это является следствием некоторого упрощения. В качестве анализируемого объекта в этой статье выступает предыстория нюношка в контексте общего развития норвежского языка до Нового времени. Иными словами, наша задача заключается в том, чтобы увидеть предпосылки появления нюношк в историко-лингвистической перспективе.

С лингвистической точки зрения нюношк — это вариант норвежского языка, который, в свою очередь, относится к скандинавской подгруппе германской группы языков индоевропейской языковой макросемьи. Что касается формы письменности, то она прошла две ступени развития — от рунического письма до введения латинского алфавита. Показательно, что обе эти письменности не являются собственными (как и для всех германских племен в целом), т.е. представляют собой важнейшие «культурные заимствования».

На общих местах, касающихся индоевропейской природы норвежского языка, а также на прагерманском, древнесеверном (руническом) и синкопе (см. табл. 1) здесь мы не будем подробно останавливаться, так как языковые трансформации этих исторических периодов не выявляют никакой специфики конкретно для нюношк. При этом их основополагающая роль для развития всех скандинавских языков бесспорна.

Тем не менее в связи с древнесеверным (руническим) периодом развития скандинавских языков хотелось бы упомянуть о двух важных обстоятельствах. Во-первых, древнесеверный (рунический) язык не был уже прагерманским, а во-вторых, в нем существовали определенные диалектальные различия². Дальнейшее развитие языка в период синкопы (или младшего прасеверного языка) привело к появлению древненорвежского языка. Таким образом, оба периода являются тем фундаментом, на котором впоследствии возник древненорвежский язык с его диалектальными вариантами.

Старший древненорвежский период (750–1050) развития языка соотносится с культурой эпохи викингов — временем образования национальных государств в Скандинавии. Именно с этого периода можно говорить о шведском, норвежском и датском языках. Хотя различие между этими языками не осознавалось как существенное довольно долго, о чем свидетельствует в древнеисландской литературе обозначение «датским языком» (*dǫnsk tunga*) скандинавской речи вообще. «Однако наряду с этим общим обозначением в древнеисландской литературе слово *danskr* ‘дасткий’ употребляется в применении к датской народности, так же как *sónskr* — в применении к шведской народности, наряду с общим обозначением *norðrǫn* (например, *norðrǫn mál* ‘язык норвежцев и исландцев’), также *íslenzkr* ‘исландский’ и (с XIV в.) *norskr* ‘норвежский’»³.

Датский и шведский языки в то время характеризуют одни и те же фонетические изменения, поэтому они попадают в группу восточноскандинавских языков. В то же время норвежский, а также исландский (и языки западных переселенцев из Норвегии вообще) объединяются в группу западноскандинавских языков. Хотя различия между всеми этими языками не были, как об этом уже упоминалось выше, столь велики, западноскандинавская группа все же обнаруживает ряд уникальных черт, на которых следует остановиться подробнее.

Среди наиболее показательных особенностей западноскандинавских языков, которые в той или иной степени релевантны современному состоянию нюношка, хотелось бы отметить следующие. Во-первых, это сохранение т.н. старых дифтонгов — др.-исл., др.-норв. *steinn* (совр. нюношк *stein*,

совр. букмол *stein, sten*) — др.-швед., др. датск. *stēn*, др.-исл., др.-норв. *auga* (совр. нюношк *auga, auge*, совр. букмол *øye*) — др.-швед. *øgha*, др.-датск. *øghe* и т.д. Во-вторых, преломление (иначе дифтонгизация *ë*) менее характерно для западноскандинавских языков: др.-исл., др.-норв. *ek* (совр. нюношк *eg*, совр. букмол *jeg*) — др.-швед., др.-дат. *iak*; др.-исл., др.-норв. *stela* «красть» (совр. нюношк *stela* [stela], совр. букмол *stjele*) — др. швед. *stiaēla*, др.-датск. *stiaēle*. В-третьих, возвратные глагольные формы оканчиваются на *-sk*, в восточноскандинавских языках — на *-s*: др.-исл., др.-норв. *kallask* «называться» (совр. нюношк *kallast*) — др.-швед., др.-датск. *kallas*.

Однако ряд преобразований, характерных для норвежского языка этого периода, не сохранился (или сохранился частично). Приведем в этой связи следующую пример. Ассимиляция *mp, nt, nk*: др.-исл., др.-норв. *kröppinn* «сморщенный» (ср. совр. нюношк *kröppen*) — др.-швед., др.-датск. *krumpin*; но др.-исл., др.-норв. *ekkia* «вдова» (ср. совр. нюношк *enkje* [enke]) — др.-швед., др.-датск., *ænkiā*.

Западноскандинавские языки характеризует и значительно большее распространение умлаута. «Это объясняется отчасти тем, что на Западе умлаут проходил более последовательно, чем на Востоке, а отчасти многочисленными случаями устранения умлаута из парадигмы под влиянием аналогии»⁴. В древненорвежском различают три вида умлаутов⁵: *i*-умлаут, *a*-умлаут и *u*-умлаут. *A*-умлаут — наиболее древний. На надписи из Галлехуса можно найти два примера этому умлауту. Так *hornā* «рог» соответствует более древнему **hurna*. *A holt* (*holtijaR*) — более древнему **hulta*. Ср.: др.-швед. *hult*, но не *holt*. *I*-умлаут имел место уже в синкопе и был с ней непосредственно связан: *gastiR* в надписи из Галлехуса стал *gestr*, прасеверный **suniR* > *synir* «сыновья», **fotiR* > *fotr* «ноги». В эпоху викингов *i*-умлаут развивался дальше. Порой в языке могли сосуществовать параллельные пары (с и без умлаута): *glad* — *glede*, *vāt* — *væte*, *dom* — *døme*, *full* — *fylle*, *tung* — *tyngje* и т.д. *U*-умлаут, значительно менее распространенный, характеризует переход корневой *a* в *o*: *bōrn* < **barnu*⁶.

В младший древненорвежский период (1050–1350) в Норвегии появился латинский алфавит. Л. Мельве пишет, что именно начиная с этого периода (с конца 1100 г. и первой половины 1200 г.) становится возможным говорить о письменной культуре Норвегии⁷. Постепенно «понятия ‘латынь’ и ‘письменность’ стали синонимичными: *bókamál* ‘язык книг’ — так называлась латынь в ту эпоху в Исландии и Норвегии»⁸.

Латинский язык положил начало развитию второй письменной культуры после рунического письма. Хотя в устной речи, кроме церковных служб и

ученых диспутов, латынь не применялась, даже влияние алфавита оказалось решающим для судьбы письменной культуры в целом, и не только в Норвегии. Любопытно, что латинский язык не сразу вытеснил руническую письменность, а долгое время использовался с ней параллельно.

Центрами книжной латиноязычной культуры были школы при архиепископских, или епископских резиденциях, и монастырские скрипториумы. Древнейшая из таких школ — школа в Лунде, Швеция (христианский центр Северной Европы) — существовала уже в 1085 г. Латынь оставалась языком церкви вплоть до Реформации (XVI в.), а языком науки — до конца XVIII в.

Латинский алфавит был применен для письма на родном языке не сразу после введения христианства. Когда это произошло, сказать трудно (по-видимому, в Норвегии и Исландии это произошло во второй половине XI в.⁹). Во всяком случае древнейшие норвежские письменные тексты того периода носят главным образом религиозный, исторический и юридический характер и относятся ко второй половине XII в.¹⁰

Вследствие применения латинского алфавита для письма на родном языке в Скандинавии складываются формы письменного языка: древнорвежского, древнеисландского, древнедатского, древнешведского. Эти формы не были последовательными и единообразными. В разных областях страны, разных «центрах письменности», образовывались разные формы письменной культуры. «В каждом монастырском скрипториуме или епископской канцелярии, т.е. в каждой школе писцов, с самого начала вырабатывалась известная орфографическая и грамматическая традиция, в установлении которой решающую роль могли играть лица, незнакомые с местным говором. Другими словами, писцы писали так, как выучились писать, а не непременно так, как в действительности говорили»¹¹. Письменная традиция в целом была довольно консервативной: изменения, происходившие в разговорном языке, часто не находили отражения в письменном языке или отражались в нем непоследовательно.

Следует в этой связи учитывать и сам характер средневековых текстов — это были рукописи, которые в большинстве случаев представляли собой списки с более древних рукописей, причем часто неточные. Нередко из-за разницы школ обоих писцов — авторов оригинала и списка — «скрещивались» друг с другом разные письменные культуры, разные письменные традиции, причем часто таковыми могли быть и чужеземные, например английская или немецкая. Все это показывает, насколько сильно письменная форма языка в то время была отделена от его устной формы.

Необходимо также иметь в виду, что на протяжении всей рассматриваемой эпохи грамотность имела очень узкое распространение. Писцами и грамотеями были в основном клирики. Клириками были, как правило, и авторы литературных произведений, и переводчики, и писцы в королевских канцеляриях. И даже среди представителей феодальной знати и высших должностных лиц далеко не все были грамотными¹².

Как справедливо заметил М.И. Стеблин-Каменский, концентрация политической власти в складывающихся государствах вела к преобладанию той формы письменного языка, которая была связана с политическим или культурным центром страны, и к выработке официальной или канцелярской нормы¹³. Раньше, чем в Дании и Швеции, сложилась канцелярская традиция в Норвегии. Однако ее диалектальная основа нередко менялась в связи с тем, что менялся политический и культурный центр страны. В XI и XII вв. таким центром был Берген — торговый город, в котором часто жили норвежские короли (вплоть до конца XII в. они не имели постоянной резиденции). В XII в. Берген и Нидарос попеременно были резиденцией короля и местопребыванием королевской канцелярии. С середины XII в. Нидарос (Тронхейм) стал резиденцией норвежского архиепископа и важнейшим культурным центром страны. В конце XIII в. Эстланн приобрел ведущее экономическое и политическое значение, в связи с чем резиденция короля и королевская канцелярия была перенесена в Осло (около 1300 г.). В XIV в. королевской резиденцией был Тёнсберг. Таким образом, диалектальная основа древненорвежского письменного языка была изменчива: сначала она была вестланнской и трёндской, затем — эстланнской¹⁴.

Уже в древнейших рукописях этого периода обнаруживаются диалектальные различия, которые можно объяснить особенностью коммуникации между различными частями страны в то время. Особенно значительными были расхождения между языком Эстланна, с одной стороны, и языком Вестланна — с другой. Профессор Д.А. Сейп пишет, что «с того момента, как бергенская канцелярия была переведена в Осло, за ней последовала и трёнско-бергенская канцелярская норма. Таким образом, в XIV в. мы встречаем в Эстланне две языковые нормы: традиционную канцелярскую норму и более свободную эстланнскую, стоящую ближе к разговорному языку...»¹⁵ Эти две нормы находились между собой в конфронтации. Как видно из всего вышесказанного, уже с эпохи викингов языковые различия между Вестланном и Эстланном существуют и продолжают увеличиваться и укрепляться в дальнейшем.

Западнорвежский язык был языком архаичным с богатой системой флексий. По сути, он и представлял собой официальный литературный язык Норвегии той эпохи. Именно это время и именно этот язык вдохновили позже И. Осена на создание нюношка. Для Осена древнорвежский язык был своеобразным первоисточником настоящего норвежского языка, тем образом, с которым он впоследствии сравнивал все норвежские диалекты. Помимо этого, эта эпоха (как никакая до нее) изобилует текстами, которые раскрывают самые разнообразные аспекты жизни норвежского общества того времени. Это и ценный источник для изучения социальных практик, связанных с использованием письменных текстов.

Важным норвежским средневековым памятником является «Королевское зеркало» (Kongespeilet, др.-норв. Konungsskuggsjá), представляющее собой назидательную беседу отца с сыном и сохранившееся в рукописи XIII в., в котором в форме ответов отца на вопросы любознательного сына рисуется четырехчленная структура норвежского общества (возглавляемая королем рыцарская дружина, купцы, духовенство и бонды). Интересными в этой связи являются те фрагменты текста, в которых утверждается ценность изучения языков: «Если ты хочешь стать полностью образованным, так изучай все языки, но особенно латинский и французский, ибо эти языки продолжают, но не забывай все же и о своем собственном языке»¹⁶. Особой значимостью наделено в тексте знание, полученное из книг¹⁷.

Важное место среди скандинавских средневековых памятников занимают областные законы. В Норвегии — это отрывки «Гулатингского права» (Gulatingsslov) второй половины XII в. Когда в XIII–XIV вв. скандинавские языки начали применяться в деловых документах, стиль областных законов в известной мере служил основой для складывавшегося в то время общегосударственного канцелярского стиля¹⁸.

Л. Мельве приводит один из наиболее выдающихся примеров использования текста в качестве «политического орудия» в период самого острого конфликта в истории средневековой Норвегии между монархией и церковью. Приводимый им в качестве примера текст представляет собой небольшой памфлет, призванный защитить короля Сверрира Сигурдссона от агрессивной политики церкви против него во второй половине 1100 столетия. Памфлет «Речь против духовенства» (конец 1100 г.) имеет много общего с полемической литературой эпохи борьбы за инвеституру¹⁹. Целью подобных текстов являлось желание тех или иных лиц повлиять на общество в свою пользу. В нескольких местах памфлета идет прямая апелляция к обществу, причем в большинстве случаев в просветительском ключе: «Пришло такое

большое несчастье на нашу землю, что каждый человек, без исключения, вынужден находить те слова, которые могут помочь просветить общество и которые несут наибольшую правду и мудрость»²⁰. Так говорится во введении. Помимо духовенства, автор обращается и к региональным священникам²¹. Примечательно, что в «целевую аудиторию» включается не только образованное духовенство, но и те, кого называют «ulærde» («неученые, необразованные»): «Теперь же узнают и поймут, как ученые, так и неученые, что король и другие мирские хёвдинги не могут быть противниками Бога и святой церкви»²².

В данном случае, замечает Л. Мельве, «ulærde» соотносятся именно со светской аристократией²³. То, что «большие люди» также были целевой аудиторией этого текста, можно предположить по тому, что автор различает в тексте короля и «народ», с одной стороны, и духовенство — с другой. Об этом также говорят и другие «индикаторы» в самом тексте. Так, автор переводит множество латинских цитат и заявляет: «...но мы написали это и перевели на наш собственный язык для того, чтобы необразованные люди, которые прежде допускали ошибки в таких вещах, теперь могли бы узнать полную правду...»²⁴ Чуть ранее автор употребляет в связи с этим важное для нас выражение: «...теперь это будет прочитано вслух на нашем языке»²⁵. Выражение «lest opp» (что соответствует «høgtlesing») — «чтение вслух» неоднократно подчеркивается во всем тексте.

По сути, обращение Сверрира Сигурдссона к этим четырем социальным группам: высшему духовенству, региональным священникам, «высоким людям» и крестьянам — является проявлением властных практик при помощи письменной культуры. И такие социальные практики начинали меняться в то время все чаще во всей Европе. Важно и то, что подобные тексты позволяют нам узнать больше о практиках письменной культуры т.н. «ulærde», т.е. простого народа, в то время. Таким образом, наиболее распространенной формой обращения с текстами для них было именно чтение вслух.

Лингвистические изменения, произошедшие в младший древненорвежский период, также весьма значительны для развития норвежского языка в целом и нюношк в частности. В связи с этим хотелось бы отметить следующее. В этот период закладываются фонетические основы современного произношения в норвежском языке²⁶, а также многие диалектальные особенности, которые сохраняются в языке до сих пор (например, т.н. итакизм, когда старое *u* перешло в *i*, а *ø* в *ei*, как это произошло, к примеру, в солёрском диалекте). Опуская подробности изменения фонетической систе-

мы в целом, следует обратить особое внимание на то, что старые краткие коренные слоги (в которых за кратким коренным гласным следовал краткий согласный) удлинились, причем в одних диалектах преобладало удлинение согласного (например, вост.-норв. *gammal* «старый» (совр. букмол *gammal*, *gammel*), *vett* «знаю» (совр. букмол *ve(i)t*)), в других — удлинение коренного гласного (зап.-норв. *gamal* (совр. нюношк *gammal* [*gamal*]), *vet* (совр. нюношк *veit*)). Последствия этого можно отчасти наблюдать и в современном нюношк.

Позднее Средневековье (или средненорвежский период: 1350–1540 гг.) можно назвать скорее началом постепенной гибели норвежской письменной культуры, чем преемственным развитием предыдущих эпох. Со временем связи Эстланна с другими странами стали более оживленными, чем у Вестланна. Норвежский литературный язык полностью устарел к XIV в. — он не смог перестроиться в соответствии с развитием разговорного языка, как, например, в Швеции. Пропасть между традиционным письменным языком и сильно изменившимся восточнорвежским разговорным языком углубилась настолько, что это постепенно привело к гибели норвежского письменного языка²⁷.

Позднее Средневековье — тяжелое время для Норвегии в экономическом, политическом и культурном смысле. Интерес к старой литературе был незначительным. Политическая элита увлекалась модными в то время рыцарскими романами: по инициативе норвежской королевы Евфимии в начале XIV в. были переведены (на шведский язык!) так называемые «Евфимиевы песни» («*Eufemiavisorna*»), представляющие собой стихотворный перевод трех французских рыцарских романов²⁸. Литературное творчество на норвежском языке стремительно исчезало. Конечно, и в это время в Норвегии создавались народные песни, как и в других странах, но они были записаны лишь в XIX в. и уже в новонорвежской языковой форме²⁹. Канцелярский язык один не мог поддерживать языковой традиции, особенно при усилении иностранного политического влияния (с 1319 г. Норвегия была связана унией со Швецией, а с 1380 г. — с Данией).

По мнению Д.А. Сейпа³⁰, решающий момент для норвежского языка наступил в 1370 г., когда влияние шведского языка проявилось в полной мере. Появились шведские слова *høgh* — «высокий» (ср.: др.-нор. *hár*), *iak* — «я» (др.-норв. *ek*), *i vilin* — «вы хотите» (др.-норв. *þer vilid*). Особенно сильным, хотя и непродолжительным было влияние шведского языка в процессе деятельности биргиттинского монастыря в Бергене. Сохранились некоторые рукописи того времени на шведско-норвежском языке.

Важным моментом для языка и культуры Норвегии явилась деятельность Ганзы, которая принесла с собой нижненемецкий язык. Помимо целого пласта торговых заимствований: например, *kjørmann* — «купец», *rekneskap* — «отчетность, расчеты», *rente* — «рента», *betale* — «платить», *koste* — «стоять», *byte* — «менять, выменивать» и т.д., заимствовались также и словообразовательные элементы: префиксы (*an-*, *be-*, *bi-*, *for-* и *unn*), суффиксы (*he(i)t*, *-inne*, *-ske* и *-bar*, *-aktig*, *-isk*) и т.д. Уже в XIX в. И. Осен как рьяный пурист провел большую работу над тем, чтобы «очистить» будущий нюношк от вышеперечисленных заимствований. Датское влияние «проявилось значительно позже, только в середине XV в., но зато оно оказалось более сильным и длительным. Начиная с Кристиана I (правил Норвегией с 1450 г.) короли Норвегии и Дании, объединенных тогда в унии, пользовались даже в документах, касающихся исключительно норвежских дел, чистым датским языком»³¹.

Этот период закономерно переходит в т.н. «датское время», когда письменная культура Норвегии была фактически заменена датской. Расхождение между письменной и устной традициями в это время весьма показательно. Устная форма языка, особенно в отдаленных от центра Норвегии областях, остававшаяся собственно норвежской, слабо коррелировала с датской письменной культурой, которая требовала для приобщения к себе определенного социального статуса³². На границе этой крупной и непростой для Норвегии исторической эпохи следует завершить анализ предыстории нюношка и подвести некоторые итоги.

Письменная культура нюношк появилась в Норвегии, как было показано здесь, в силу определенных причин, действовавших на разных уровнях: язык, культура, общество и т.д. И это случилось задолго до XIX в. Хотя в качестве основного источника современного нюношка следует назвать все же диалекты, не стоит забывать, что нюношк Осена опирался прежде всего на древнорвежский язык и был вдохновлен именно той эпохой. И этот источник языка и культуры, который во многом роднит нюношк с исландской традицией, чрезвычайно важен. Таким образом, можно с некоторой долей условности заключить, что нюношк является связующим звеном между двумя крупными эпохами в развитии письменной культуры Норвегии — до и после датского времени.

¹ До 1929 г. названия нюношка и букмола в Норвегии были лансмол и датско-норвежский, или риксмол, соответственно.

² Макаев Э.А. Язык древнейших рунических надписей (лингвистический и историко-филологический характер). 2-е изд. / под ред. М.С. Кожуховой. М., 2002. С. 19; Стеблин-Каменский М.И. История скандинавских языков. М.; Л., 1953. С. 22–26.

А.Х. Хайрик с основанием указывает в своей интересной работе на то, что уже в общегерманскую эпоху наблюдалась даже социальная стратиграфия языка. Он подчеркивает, что в общегерманскую эпоху наблюдались явления, которые или никогда не проникали в «высший слой» (*sprachliche Hochschicht*) языка, или проникали в него лишь в редких случаях (Макаев Э.А. Указ. соч. С. 52).

³ Стеблин-Каменский М.И. Указ. соч. С. 33.

⁴ Вессен Э. Скандинавские языки. М., 2005. С. 49.

⁵ Вессен Э. Указ. соч.; Стеблин-Каменский М.И. Указ. соч.; *Ramsfjell-Vinje B., Vinje F.E. Språkkunnskap. Språkhistorie. Norrønt. Nyislandsk. Dialektar.* Oslo, 1978.

⁶ *Ramsfjell-Vinje B., Vinje F.E.* Op. cit.

⁷ *Melve L. Skriftkultur — kva er det? Skriftkultur og ålmentefigurasjonar frå mellomalderen til moderne tid // Skriftkultur / red. S. Walton.* Oslo, 2004. С. 33.

⁸ Стеблин-Каменский М.И. Указ. соч. С. 41.

⁹ *Walton Stephen J. From Old Norse to Middle Norwegian.* URL: <http://www.hivolda.no/index.php?ID=11686>.

¹⁰ Вессен Э. Указ. соч.; Стеблин-Каменский М.И. Указ. соч.

¹¹ Стеблин-Каменский М.И. Указ. соч. С. 44.

¹² Стеблин-Каменский М.И. Указ. соч.; *Melve L.* Op. cit.

¹³ Стеблин-Каменский М.И. Указ. соч. С. 45.

¹⁴ Вессен Э. Указ. соч.; Стеблин-Каменский М.И. Указ. соч.

¹⁵ Цит. по: Вессен Э. Указ. соч. С. 73–74.

¹⁶ *Kongespegelen / Hellevik A. (omsetj.).* Oslo, 1951. С. 9. (Перевод — Д.Д.)

¹⁷ *Ibid.* С. 8.

¹⁸ Стеблин-Каменский М.И. Указ. соч.

¹⁹ Борьба за инвеституру — противоборство в XI столетии между императором Генрихом IV и Папой Григорием VII за право вводить в должность епископов (инвеститура). Это был наиболее значительный конфликт между церковью и светским государством в средневековой Европе. Противостояние длилось около 50 лет, постепенно ослабляя верховную власть в Священной Римской империи, основанную Салической династией императоров. В результате этого противостояния значительно усилились великие князья и аббаты. Это нанесло непоправимый удар по целостности священной Римской империи как государства, от которого она так и не смогла оправиться вплоть до объединения Германии в XIX столетии.

²⁰ *En tale mot biskopene / Holtmark A. (omset.).* Oslo, 1986. С. 263. (Здесь и далее перевод Д.Д.)

²¹ *Ibid.* С. 270.

²² *Ibid.* С. 271.

²³ *Melve L.* Op. cit. С. 34.

²⁴ *Ibid.* С. 286.

²⁵ *Ibid.* С. 283.

²⁶ Например, удлинение корневого гласного а: *maðr* — «человек», *bátr* — «лодка», пришедшее в движение, по сути, всю фонетическую систему норвежского языка. (См. подробнее: *Ramsfjell B., Vinje F. E.* Op. cit.)

²⁷ *Вессен Э.* Указ. соч.; *Стеблин-Каменский М.И.* Указ. соч.; *Walton Stephen J.* Op. cit.

²⁸ *Вессен Э.* Указ. соч.; *Стеблин-Каменский М.И.* Указ. соч.

²⁹ *Вессен Э.* Указ. соч.

³⁰ *Norsk språkhistorie.*

³¹ *Ibid.* S. 75.

³² *Hallaråker P.* The Nynorsk language — yesterday, today and tomorrow. URL: <http://www.aasentunet.no/default.asp?menu=94&id=454>; *Ramsfjell B., Vinje F.E.* Op. cit.

Приложение

Таблица 1

Периодизация истории культуры и языка, принятая в Норвегии

(*Almenningen O. (red.), Roksvold A.Th., Sandøy H., Vikør L.L.*
Språk og samfunn gjennom tusen år. Oslo; Bergen; Tromsø, 1981. S. 10)

Периодизация	
Культура	Язык
500 — железный век	Прагерманский
	200–750 — древнесеверный рунический
	550–750 — синкопа
800–1050 — времена викингов	750–1050 — старший древненорвежский
1050–1350 — высокое Средневековье	1050–1350 — младший древненорвежский
1370–1536 — позднее Средневековье	1350–1540 — средненорвежский
1536 — Новое время	1540 — новонорвежский